

THE SIXTH FLOOR

МАЙ 2024

СПЕЦВЫПУСК, ПОСВЯЩЕННЫЙ ДНЮ ПОБЕДЫ



**ЗНАЮ!
ПОМНЮ!
ГОРЖУСЬ!**

Шарапендо Евгений Иванович Шарапендо Мария Ивановна

Каждый год, во время, когда сходит снег, на улице становится всё теплее, природа оживает, я приезжаю сюда в преддверии 9 мая. Маленькая деревенька Хоменки Чаусского района, расположенная вблизи непроходимых лесов и живописных рек, стала свидетельницей ожесточённых сражений Великой Отечественной войны и хранит память о тех, кто сражался и погиб за свободу нашей Родины. Следы войны здесь повсюду: неровности окопов, пролегающие сквозь огороды и даже старое кладбище, остов сгнившего немецкого танка на пустынном берегу реки, обелиски и многочисленные безымянные могилы. Всё это – свидетельства героизма и трагедии, которые не должны быть забыты. Именно здесь шёл путь немцев, именно здесь отважные партизаны сражались под покровом ночи.

Партизаны, самоотверженно сражавшиеся с фашистскими захватчиками, укрывались в густых лесах, где и сейчас застыло время. Протопанная тропинка ведёт к мемориалу солдатам-музыкантам, попавшим в плен. Мой дед в детстве любил прогуливаться по этим местам, собирая не грибы, а патроны. Ныне лес безмолвствует, как будто в память о тех, кто отдал свои жизни за мирное небо над нашей головой.

Мой прапрадед доблестно сражался в рядах Красной Армии. Его подвиги, к сожалению, остались малоизвестными, так как по возвращении с фронта он стал замкнутым и отказывался вспоминать те ужасные дни.

Мой прадед, Евгений Иванович Шарапендо, встретил войну в трёхлетнем возрасте. Внёс свой вклад в общее дело и он, собирая истории людей из окрестных деревень. Но сегодня я хочу рассказать не о героях-солдатах или партизанах, а о простых людях, которые плечом к плечу сражались с фашизмом, совершая подвиги, возможно, не спасшие сотен жизней, но ставшие символом несгибаемого духа в страшное время.

Представьте, моя прабабушка, Мария Ивановна Шарапендо, проводила мужа на войну, фактически отправляя его на верную смерть, и осталась с малолетним сыном на руках. Даже когда немцы лишили её всего – скота, еды, сбережений, она не сдалась и помогала партизанам. Её заветной мечтой была швейная машинка, на которую она долго откладывала деньги. И именно эта машинка стала её оружием. Прабабушка шила одежду не только для своих близких, но и для всех, кто в ней нуждался, превратившись в символ надежды и стойкости.

В тот трагический день, когда нацисты вторглись в деревню, селяне впали в панику и отчаяние. Жители столкнулись с их жестокостью и безжалостностью, когда солдаты врываются в дома, грабят и жестоко обращались с людьми. Страшась, что оккупанты обнаружат швейную машину, прабабушка инстинктивно бросилась к своей соседке, беременной тете Томе. Вместе они поспешили закопать машинку под навозом в стойле, где находилась корова. Тетя Тома, заливаясь слезами, умоляла немцев пощадить корову, которая была единственным источником пропитания для будущих матерей и их детей. К удивлению Марии и ее соседки, нацистские солдаты проявили неожиданное сочувствие. Они сжалились над мольбами тети Тома и даже не зашли в сарай. Таким образом, им удалось спасти не только животину, но и бесценную швейную машинку.

Партизаны под покровом ночи приходили к жителям деревни. Лекарства, одежда, еда – каждый внес свою лепту, чтобы помочь советским партизанам. В те тяжелые времена, лесной солдат, Александр, который был также врачом, согласился помочь тете Томе, оказавшейся в трудном положении. Каждую ночь он бдительно следил за ее благополучными родами. Однако однажды судьба распорядилась иначе. В ту ночь, грохот сражений в лесу заглушил все звуки. Партизаны отчаянно защищали свою землю, и казалось, что сама жизнь замирает. Но как назло, именно в ту ночь, роды Тома начались. Все мучительные часы, моя прапрабабушка смотрела на измученную соседку и решила взять ситуацию в свои руки. Отправившись в самый опасный район, она несмотря ни на что добежала до наших солдат, повредив только колени от нескольких падений. Затем она привела Александра к соседке и благодаря мужественному поступку моей прапрабабушки, тетя Тома и ее недавно рожденный сын Яша были спасены.

Так образовалась изумительная дружба – дружба на протяжении нескольких поколений. Мой дедушка был другом, одноклассником и коллегой Дедушки Яши. Моя мама называет тетю Наташу (дочь Дедушки Яши) своей единственной верной подругой. Ведь они всегда помогали друг другу всем, чем только могли. И вот эта замечательная дружба дошла и до меня. Все детство мы были неразлучны с Сашей (дочь Наташи): мы учились вместе, танцевали вместе, впервые ездили в Питер и Москву, каждое лето проводили вместе в лагере. Эта великолепная дружба стала возможной благодаря отважному поступку моей прапрабабушки. Огромное ей спасибо за это.

Халецкая Анна Леонтьевна

Много лет прошло со дня победы в Великой Отечественной войне. Но эта печальная страница истории Родины затронула каждую семью нашей страны. Это ужасное время стало самым тяжелым испытанием для Беларуси в XX веке. Практически, у любого из нас есть родственники, которые в войну сражались за Родину. Многие из них не вернулись домой к родным и близким. Хотя война и закончилась в сорок пятом, но отголоски военных лет остались надолго. Так, возвращаясь домой, подорвался на mine мой прадедушка Дюк Леонтий Тимофеевич.

В военные времена гитлеровские войска жестоко издевались над людьми, расстреливали, вывозили молодых парней и девушек на работу в Германию. Многие были вывезены в концлагеря, где их заставляли работать, ставили над ними различные опыты. И эта участь была предначертана всем: от малого до большого. Всего на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тысяч концентрационных лагерей, тюрем и гетто. Практичные и дисциплинированные немцы использовали эти свои качества в самых ужасающих целях, создав работавшие как часы конвейеры смерти. По признаниям эсэсовцев, каждый узник, продолжительность жизни которого в концентрационных лагерях составляла менее года, приносил нацистскому режиму практически 1500 рейхсмарок чистой прибыли. Для нацистской Германии концлагеря были не только методом устрашения, показателем господства, материалом для различных исследований и поставщиками бесплатной рабочей силы, но и статьей дохода. В переработку и на производственные цели шли самые страшные вещи: волосы, кожа, одежда, драгоценности умерщвленных узников, вплоть до золотых коронок с зубов.

Так, моя двоюродная бабушка Халецкая Анна Леонтьевна также была вывезена в Германию на работы. Но ей чудом удалось не попасть в концлагерь. На тот момент ей было около 15. Забрав ее, немцы поселились в доме моей бабушки в деревне Лешница. Моему дедушке было всего 9 лет, когда гитлеровцы «окачевались» в их доме.

И вот немного из личных воспоминаний Анны Леонтьевны:

“Забралі мяне ў 1943 годзе з вёскі Лешніца. Везлі нас у вагонах, у якіх перавозілі скот, а калі быць дакладней, то парсюкоў. У той час яны абыходзіліся з намі як з жывеламі. Было вельмі страшна, бо не ведаеш, што яны могуць з табой зрабіць у любы момант. Прывезлі нас у горад Мэппан. Пасялілі нас у нейкіх бараках, якія былі больш падобныя на сарай, чым на хату. Працавалі на торфе, які перапальвалі на вугаль, на коке

Калі мяне забралі, мне было пятнаццаць год. Увесь час быў пералёт самалётаў, усюды бамбілі, жылі ў пастаянным жаху і непасільнай працы. На працу падымалі вельмі рана, назад вялі цёмным. Бывала і такое, што толькі прыляжаш адпачыць, як ужо пара уставаць. Прыходзілася працаваць, альбо – растрэл. У бараку жылі людзі розных нацыянальнасцей. Кармілі вельмі дрэнна. Хлеб быў з апілак. Есці было немагчыма. Многія схудзелі так, што родная маці не пазнала бы свайго дзіця. Насілі форму з нумарамі, на нагах кандалы з дрэва, якія грукацелі пры хадзьбе і зразалі ногі. Цела было ўсё ў ранах, сіняках. Цела ныла.

Вызвалілі нас у 1945 годзе. К сваім нас везлі на лодках. Рускія везлі нас на машынах, астанаўліваліся ў манахаў, якія давалі нам ежу. Ехала дамоў з красавіка па кастрычнік 1945 года”.

Сейчас ей было бы 96... Но, несмотря на ужасающие издевательства со стороны немцев и каторжную работу, она прошла через всю войну. Нашему народу приходилось работать, ведь они тоже хотели жить. Даже невзирая на то, что эти события были до моего рождения, я горжусь свое бабушкой и тем, что она стойко прошла через все ужасы войны.

В истории моего рода это не единственные люди, которые были жертвами гитлеровского террора...

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже много лет, кажется, это было очень давно. Но только не для узников, которые лично прошли сквозь ужасы фашистских застенков. Биография этих людей – это настоящие уроки мужества для представителей подрастающего поколения. Сохранить память о них – священный долг каждого. Только храня память о тех страшных событиях и отдавая дань уважения погибшим и выжившим в том аду людям, можно надеяться на то, что подобное больше никогда не повторится в человеческой истории.

Мы должны помнить о наших героях, которые подарили нам мирное небо над головой. Каждый человек обязан чтить память наших соотечественников, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Мы не имеем права забывать, что ценой нашей свободы являются миллионы погибших людей. Они также как и мы хотели прожить счастливую жизнь. Эта ужасная война должна всегда служить уроком будущим поколениям, которые обязаны делать все возможное, чтобы не допустить возникновения других войн.

Боровнев Сафон Карпович
Боровнев Сергей Карпович
Боровнев Мифодий Карпович

Рассказ о моих прадедушках я хочу начать с Боровнева Сафона Карповича. Он родился 14 октября 1914 года, а умер 26 октября 1972. Моя бабушка рассказывала, что умер от какой-то болезни. Какая конкретно болезнь была, моя бабушка уже не помнит. По её воспоминаниям он работал на Донбассе на шахтах, от чего у него очень испортилось зрение, по этой причине его и не взяли в армию. Так как раньше семьи были большими, то у Сафона было еще два брата, но возможно были еще братья и сёстры.



Один из них Боровнев Сергей Карпович. Родился в 1913 году, полная дата рождения неизвестна. Почти всю информацию о нём я нашла на сайте “Память народа”. Сергей родился и проживал в деревне Козьяны Витебской области. Был женат и, скорее всего, имел детей. На войну был призван в июне 1941 года Горловским РВК в Рязанской области. В отметках последнего места службы отмечено, что он был в составе 99 стрелковой дивизии. Дата смерти/выбытия указана 14-ым сентября 1942 годом, т.е. он умер в возрасте 29ти лет. В причинах указано, что смерть произошла от ран. Я нашла место захоронения: находится оно в Сталинградской области, селе Пичуга. Основной проблемой является то, что в документах разная информация, что усложняло поиски.

Его родной брат Мифодий Карпович родился в 1921 году, полная дата рождения так же не указана. Пошёл на войну в возрасте 20-ти лет. Моя бабушка поделилась предположением, что возможно, до войны Сергей и Мифодий жили вместе. Также я узнала про небольшую историю, которую мне рассказала бабушка: “Дело произошло ранним утром, когда было уже совсем светло. Дед со своим тогдашним другом пошел работать на поле, где была раньше линия фронта. Все готовились к мирному времени и активно занимались земледелием. Дед тогда работал с другом на тракторе и они напоролась на мину, которая и послужила причиной их смерти. Это было так страшно, что и рассказывать сложно.. Насколько я знаю, сейчас он похоронен на местном кладбище в деревне Снегири Дубровенского района”

Как и Сергея Мифодий по званию был красноармейцем. Причина смерти такая же как у его брата: умер от ран. Дата выбытия 15 марта 1943 года, в 22 года. Ни данных о его семье на тот момент, ни место смерти мы с моей бабушкой не нашли, но я на этом ни за что не остановлюсь и буду продолжать поиски информации о них, пусть и даже малейшей. Да, они не прошли войну и не принесли памятных орденов, но в моей душе они вызывают гордость и восхищение вместе со слезами. Я никогда не забуду про них.

Селедчик Иван Иосифович

Мой прадедущка, Селедчик Иван Иосифович.

В 1941-1943, будучи подростком, он и его семья жили в оккупации в деревне Мироним в Брестской области. В ряды Красной Армии его призвали уже после освобождения Брестской области от немецких захватчиков. На тот момент ему было 19 лет, на фронте был пулеметчиком. Он участвовал в боях за освобождение Польши, Чехии и Германии. Войну он закончил в Германии, недалеко от Берлина. Сразу после окончания войны продолжал служить на дальнем востоке, охраняя рубежи страны на протяжении трех лет.

В военные годы, когда он и его семья жила в оккупации, пропали без вести его близкие люди: отец и десятилетний брат. Они отправились на луг за травой и не вернулись. Вся семья долгие годы искали их могилу, но до сих пор история умалчивает о том, что с ними произошло.

Когда дедушка умер, мне было полгода. К сожалению, я знаю его только по фотогра-



фиям и рассказам моего отца и бабушки. Сам дедушка, как рассказывают мои близкие, практически никогда ничего не рассказывал про войну. А если и рассказывал, то коротко, с болью в сердце и со слезами на глазах. Я горжусь своим прадедущкой. Я уважаю его подвиг и буду вечно благодарна за всё, что он сделал для нас.

ТКАЧЁВА ЕКАТЕРИНА

Мой День Победы!

9 Мая всегда было особенным Днем для меня, поскольку в моей семье все родные старшего поколения видели своими глазами ту страшную войну с фашизмом, которую мы по праву называем Великой Отечественной, все участвовали в ней, кто на фронте, кто в партизанском отряде или в подполье, кто в трудовом тылу. Никого из того поколения уже не осталось с нами, но я хорошо помню, как они отмечали День Победы, как вспоминали, что пережили, как делились своими воспоминаниями со мной... Чтобы я знал и помнил!

Каждое 9 Мая я вспоминаю всех своих родных, победивших фашизм, смотрю на их молодые лица на старых фото, и война возвращается...



Моя мать и ее родители встретили войну в далеком Узбекистане в городе Янгиюле, где мой дед Семён Прокофьевич Мостовой служил инженером на Среднеазиатской железной дороге. Когда началась война, деда и всех его пятерых братьев мобилизовали в Красную Армию. Мой дед Семён участвовал в битве за Кавказ, где в ожесточенных боях против немецкой дивизии «Эдельвейс» в августе 1942 г. был тяжело ранен, удерживая со своим взводом более суток боевую позицию и не позволив фашистам взять горный перевал. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа».

На этом старом фото – мой дед Семён Прокофьевич Мостовой, командир взвода горных стрелков (1941 г.).

Все пятеро младших братьев моего деда воевали с первого дня войны. Вернулись домой тоже все пятеро... Все с боевыми орденами и медалями. Все с тяжелыми ранениями, но все счастливые от долгожданной Победы. Я помню их всех за ежегодным праздничным столом в День Победы, когда маленьким сидел у них на коленях, рассматривал и осторожно трогал боевые награды, которые они надевали только один раз в году 9 Мая. И слушал, как они рассказывали о войне, где и как воевали...

Я очень любил рассказы деда Георгия о танковой битве на Курской дуге, о том, как он и его экипаж жгли фашистские «Пантеры» и «Тигры», как сами горели в танке, как снова били фашистов, как форсировали Дунай, как брали Будапешт, как встречали Победу!



На старом фото – мой двоюродный дед Георгий Прокофьевич Мостовой, гвардии рядовой, механик-водитель танка Т-34 (1943 г.).

Мой отец встретил войну в Могилеве, где дед Евгений Иванович Иванов служил инженером-землеустроителем, а моя бабушка Надежда Александровна Кудрявцева работала учителем русского языка в средней школе № 3 (теперь Гимназия № 3). Летом 1941 г. отцу исполнилось всего 14 лет, и война на долгое время прервала его школьную жизнь. Эвакуироваться не удалось, но и сдаваться фашистам никто не собирался. Вся семья отца стала бороться с врагом в составе могилевского подполья. Отец стал связным, большего не

поручали, берегли... Но ему хотелось сражаться, и отец с двумя своими товарищами весной 1944 г. совершил нападение на немцев на окраине Могилева. В тот же день пришлось уходить к партизанам. Но долго ждать не пришлось, уже 28 июня 1944 г. Могилев был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Отец сразу же пошел в военкомат проситься на фронт, но в действующую армию попал только в 1945 г., был ранен. После войны продолжил срочную военную службу в армии, демобилизовался по состоянию здоровья.



Награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Победу над Германией».

На этом редком фото – мой отец Евгений Евгеньевич Иванов, рядовой стрелкового полка (1945 г.).

Сестра отца Римма Евгеньевна в 1941 г. закончила среднюю школу № 1 г. Могилева и готовилась поступать в Минский медицинский институт, но война нарушила все планы. Как и все в семье участвовала в борьбе могилевского подпольного «Комитета содействия Красной Армии», помогала партизанам. Один из них – героический участник могилевского подполья Николай Андреевич Лихунов (1923–1969) стал потом ее мужем. Сразу после освобождения Могилева попросилась в действующую армию и была призвана в войска противовоздушной обороны, где на боевом дежурстве встретила долгожданный День Победы и несла военную службу еще до середины 1945 г. Награждена Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Победу над Германией».



На старом фото – моя тетьа Римма Евгенъевна Иванова (Лихунова), рядовая 71-го отдельного батальона 14-корпуса ПВО 2-го Белорусского фронта (1944 г.).

Каждый год в День Победы вспоминаю я и своего деда Евгения Ивановича и бабушку Надежду Александровну, которые не служили в армии, но отдали много сил подпольной борьбе, с огромным риском для себя спасали жизни жителей г. Могилева от геноцида нацистами белорусского народа, оказывали содействие партизанам, собирали ценные агентурные данные для подпольного «Комитета содействия Красной Армии». Моя бабушка была очень смелым человеком, лично знала участников подпольной борьбы в 1942–1943 гг.



Именно к ней обратился организатор и руководитель могилевского подполья Казимир Юльянович Мэтте с просьбой помочь ему восстановить забытые лица, факты и малоизвестные обстоятельства для его книги о героической борьбе могилевских подпольщиков в годы фашистской оккупации. Я помню этого седого человека со строгими глазами и твердым подбородком, его долгие беседы с бабушкой о тех страшных событиях, которые не должны повториться... Книгу К.Ю. Мэтте «Верность» (Минск: Беларусь, 1989) должен прочитать каждый молодой могилевчанин, чтобы знать и помнить подвиг своего города и своего народа!

На этом редком фото – моя бабушка Надежда Александровна Кудрявцева и Казимир Юльянович Мэтте, организатор и руководитель могилевского подполья в 1942–1943 гг. (1978 г.).

Я уверен, что у каждой белорусской семьи есть своя история, которая неразрывно связана с Великой Отечественной войной, бережно передается из поколения в поколение и напоминает о себе каждое 9 Мая, делая именно этот День самым важным для всех белорусов.

Для меня День Победы – это особенный праздник не только оттого, что всё старшее поколение моей семьи участвовало в той страшной войне, дожило до Победы и донесло до меня то, о чем должен знать и не имеет права забывать каждый белорус.

День Победы для меня – это самый главный праздник еще и потому, что именно ему все мы, живущие сегодня, обязаны самой своей жизнью, своим счастьем спокойно жить, любить, учиться и трудиться в мирной стране!

С Днем Победы!!!

Шестое чувство

Маленький подвиг большого человека

Хуже оккупанта может быть только предатель.

Дедушка взял топор и ушёл в лес. И больше не вернулся.

Бабушка ничего не говорит, молча переживает, ждёт его возвращения. Она молится за него. Значит, она уверена, что он жив. Я тоже так думаю.

Я не знаю, что с ним приключилось. Но я знаю, что он не мог заблудиться. Это невозможно. Мой дед знает лес, как свои пять пальцев. Он и меня учил... Наверное, леший заморочил ему голову и водит его концентрическими кругами по лесу. Хозяин леса не любит лесорубов.

Перед самым своим уходом дед положил тяжёлую руку мне на плечо и, больно сжав его, проговорил: «Остаёшься за старшего». Но ведь бабушка намного старше меня! Она старая. Я хотел возразить, но дед строго посмотрел на меня и сказал: «Цыц!» Да-а, с ним не забалуешь... Скучаю по нему. Скучаю по его запаху (он пропах махоркой) и даже по его цыканью.

После его пропажи я понял, почему он оставил меня вместо себя. Потому что я сильный. Ещё, подумав, я понял, почему он сильно сжал пальцы на моём плече. Чтоб я хорошенько запомнил его слова.

Ах, как бы мне пригодился топор, который дед с собой унёс! Свалить целое дерево и нарубить дров мне не под силу - мал ещё. Но на то, чтобы посрубить сучья с деревьев, сил у меня хватило бы. А так каждый день приходится обламывать нижние ветки у хвойных деревьев и собирать хворост для растопки ржавой печурки с гнутой трубой. Вязанки, которые я приношу из лесу, быстро расходуются. Вот и от вчерашней остался лишь сор на дощатом полу. От веток проку мало: они быстро сгорают, весело потрескивая в острых языках пламени. Комната не успевает прогреться, а картошка - запечься. Полусырые клубни грызть как-то неохота. Тем более что у бабушки и зубов-то почти не осталось. Поэтому я зачастил в лес... А также потому, что хочу найти деда и вывести его из заколдованного леса. Но это секрет. Если бабушка проведаёт о том, что я задумал, то встанет в проёме двери, упрёт руки в широкие боки и не выпустит меня из дома. Несмотря на то, что в доме я хозяин.

Бабушка говорит, чтоб я не углублялся в чащу. Я пообещал, что не буду. А сам буду. (Что и делаю вот уже несколько дней.) Просто не хочу, чтобы она волновалась за меня. Нужно беречь её сердце.

Я нырнул в валенки, доставшиеся мне от мамы. (Память о ней греет ноги и согревает душу. Никогда её не забуду, даже тогда, когда валенки прохудятся или станут мне малы.) В карман телогрейки положил одну картофелину, завернув её в обрывок старой газеты. Вторую оставил бабушке. Хоть она и

оставила обе мне. Она постоянно говорит: «Ты растёшь, тебе надо есть». А ей что, разве не надо?! Верёвкой, которой буду связывать ветки, я подпоясался.

Я вышел из избы. Сегодня мороз несильно кусает за нос. И ветра сильного нет. Хорошо. Дело идёт к весне. Люблю весну.

Деревню не узнать. Раньше здесь кипела жизнь. Теперь всё иначе. Детвора больше не лепит снежных баб. Бабы больше не смеются и не лаются смешно у колодца. Не слышно больше ни мычания, ни бляения, ни хрюканья, ни кудахтанья. Немчура, как та саранча, налетела на деревню и сожрала всю скотину. (Говорили же дуракам, что нельзя всех съесть. Если всех съесть, некому будет давать молоко и яйца.) Брехливые собаки тоже подозрительно молчат... Фрицы – народ дикий. Оголодают и чего доброго людей жрать начнут. Вон как они на нас на всех смотрят: волком.

На заснеженной улице никого нет. Все тихо сидят по домам и трясутся от страха. А что ещё остаётся делать в захваченной чужаками деревне? Лишь одинокая фигура с грязно-белой повязкой на рукаве и со сверкающим на зимнем солнце начищенным автоматом на плече маячит впереди. Стоит препятствием между мной и лесом.

Это Митяй. Он полицейай. Митяй–полицейай.

Помню дедушкин наказ: «С ним язык не распускай. Всё, что видишь и слышишь, на ус себе мотай да помалкивай. Болтун – находка для врага».

Он не наш, а их. Разговаривать с ним нужно осторожно. Он как гадюка. Гад он и есть. Бабушка не велит его так называть – это опасно. «Ты его так не называй, Егорушка. Зови его Дмитрием Александровичем. Чтоб ему, супостату проклятому, ни дна, ни покрышки, прости Господи». И автоматически крестится три раза. Я и не называю. Я только так думаю. Никто не знает, что у меня в голове. Даже бабушка. Раньше я думал, что она умеет читать мысли. Но потом понял, что она просто догадливая. Ибо опытная.

Гады делают гадости.

Я набрался храбрости, вытащив её из глубины себя, выдохнул светлое облачко пара и, похрустывая снегом, решительно пошёл вперёд.
- Здравствуй, Егор, - поприветствовал меня Митяй.

Я не поздоровался с ним, так как желаю ему смерти, а не здоровья. Но высказать это вслух не могу. И лицемерить не умею.

Митяй разговаривает со мной, как с взрослым, а не с ребёнком. Да, я рано повзрослел. Пришлось. Я только сносно научился читать, и тут на нас напали...

- Куда путь держишь?

-Знамо дело куда: в лес, - нехотя ответил я, стараясь не встречаться с ним взглядом. У него змеиный взгляд.

- Опять за хвостом?

- Ага...

-Ну, иди. Только смотри не потеряйся. Как твой дед.

-Не потеряюсь, - процедил я сквозь зубы. И добавил, с вызовом взглянув в его глаза: - Я изучил лес. Рыбка клюнула. По глазам вижу.

Я знаю, о чём думает Митяй-полицай. Он думает, что мой дедушка примкнул к партизанам и что я знаю, где он и, соответственно, где они - партизаны.

Мне нравится зимний лес. Но весенний я всё же люблю больше, так как весной матушка-природа оживает. Зимой лес спит мёртвым сном и видит кружевные сны. Всё заботливо укутано мягким снежным одеялом. В деревне снега не так много и он не такой чистый и хрусткий, как здесь, вдали от цивилизации.

Я иду быстрым и уверенным шагом. Как будто бы знаю, куда мне идти. Я и вправду знаю. Иду *налегке* по своим же следам - они хорошо видны на снегу. Снег неглубокий, ноги почти не вязнут.

Куча веток, которую я вчера заготовил, свалена под одним из деревьев. На обратном пути заберу. Негоже возвращаться домой с пустыми руками. Из леса с пустыми руками не приходят. Дедушка, когда один ходил в лес, всегда мне что-то приносил. «Посмотри, Егорка, что тебе белочка передала». Кедровых орешков. «Посмотри, Егорка, что тебе зайчик передал». Заячьей капустки. «Посмотри, Егорка, что тебе медведь передал». Дикого медку. Спасибо лесным жителям за гостинцы. По грибы да по ягоды мы ходили с дедом вместе.

Прислушиваюсь к лесным звукам (которые музыкой звучат для моих ушей). Слышу *их*. Их много. Я выманил из деревни почти всех фрицев. Они следуют за мной. Они идут тяжёлой поступью - навьючены, аки ослы. Они идут бить партизан. Стараются не бряцать оружием и боеприпасами, но у них не получается шагать беззвучно.

Хозяин леса не любит охотников.

Я пришёл на место и привёл немецкий отряд в самую чащу, в самую глушь. Туда, где обитает леший. И кикимора болотная - близкая подруга лешего.

Фрицы ступили на лёд, припорошенный снегом. Зря они шли по моим следам. Есть такое поверье: наступишь на чужие следы - возьмёшь себе чужие беды. Я прошёл по льду, а под их тяжестью лёд проломился. Они стали тонуть.

Чувствую себя Иваном Сусаниным.

Барахтаются, пытаюсь выбраться из трясины, что-то выкрикивают на своём лающем языке, и даже плачут. Быстро идут ко дну вместе со своим снаряжением. Не хочу на это смотреть. Жалко их. Хоть их и нельзя жалеть. Они никого не жалеют. Они не считают нас людьми. Мы для них скот.

Надо уходить отсюда.

Митяй-полицай, весь в грязи и тине, крикнул мне в спину:

-Стой, гадёныш!

Это он мне?

-Сам ты гад! - Выкрикнул я ему в лицо. Я давно хотел ему это сказать. Находясь по грудь в обжигающе холодной воде, он угрожающе вскинул автомат, на длинном стволе которого повисли водоросли.

Я кинулся бежать. Здесь дорога непроторенная – дальше болота я не ходил, - ноги стали увязать в рыхлом снегу. Трудно идти, не то, что бежать.

Раздался выстрел. Спину обожгло болью.

Ох, не выйти мне из этого леса. Я закричал, что было сил:

-Дедушка! Где ты?! Иди домой!

Он услышал меня. Я знаю.

Леший должен отпустить моего деда. Я дал за него богатый выкуп.

Я останусь здесь навеки, с другими бабушкой и дедушкой...



КУРБАЦКАЯ ЭМИЛИЯ

Кроплі дажджу б'юць як гранаты
Па халоднай і змрочнай магільнай пліце,
Там спачываюць з мірам салдаты..
І сумна... Да іх ніхто не ідзе...

Яны вызвалілі твой горад і вёску,
Жыццё іх згарэла ў ваенных катлах,
Іх забівалі, мучылі жорстка,
Крываваы канец бачны ў вачах.

Гарэла ўсё: і масты, і лясы
Гарэла Хатынь у нямецкім катле,
Смутак спаліў усе гарады—
Цяжка было ўсім на вайне..

Плакала маці—сына чакала,
Дзеці яго ўжо падраслі,
Жонка хадзіла па вёсках шукала,
А байца маладога ўжо не знайсці..

Глянй жа цяпер на свой горад і вёску!
Раніцай людзі на працу ідуць,
Колькі свабоды, і радасьці мноства!
На святы наш сцяг салдаты нясуць.

Растуць гарады, расце і сталіца,
І вулачкі нашы квітнеюць ў вачах—
Кожны з нас ужо ганарыцца,
Наша краіна— ў азёрах, у лясах!

Будуюцца банкі, заводы і крамы,
Смела навука робіць рывок,
Квітнеюць і ззяюць беларускія храмы,
Не страшны беларусам смутак і змрок!

Захавай гэта ўсё ў сэрцы сваім,
Не забудзь цану шчасця, свабоды,
Край свой родны ніколі не прададзім,
Пераможам усе беды, нягоды!

НАПРЕЕНКО ДАРЬЯ

Кошт мірнага неба

Каля шумнага горада песні ды пляскі,
У глядзелкі гуляюцца дзеці.
Надышоў ужо вечар — час дзеля казкі,
Час дзеля думак аб будучым леце.

Але грукат, другі — усё змянілася раптам.
Цяпер горад пад крыллямі ворага.
Нават птушкі пяюць па фашысцкім загадам,
Люд у імгненне звярнуўся да Бога.

Вось дачка моцна плача, сыноч просіць ежы.
За акенцам сонца сумуе.
Партызаны ў той час пераходзяць за межы,
І народ родны край свой ратуе.

Зноў прыехалі зранку ў вёску салдаты
І гавораць: прыйшла перамога.
Ці няўжо ж мы змаглі перажыць усе страты?
Зараз светлая будзе дарога...

Наша мірнае неба багата каштуе,
Яго трэба шанаваць, берагчы.
Ты паслухай, Радзіма без цябе не існуе.
Таму лепей яе сцерагчы.

ВЬЮНОВЕЦ АНАСТАСИЯ

THE SIXTH FLOOR

Над выпуском работали:

Главный редактор
Головнева Арина

Верстка и дизайн
Шаблинская Вероника

